

Михаил Мамин Лирическая физика

(дополнение к курсу теоретической физики) или физическая лирика, как понравится, если кто-то вдруг возьмётся читать

Предисловие.

Напомню строки из трагедии «Фауст» Иоганна Вольфганга Гете, эти слова произносит Мефистофель, обращаясь к ученику, желающему поступить в университет и принимающему Мефистофеля, одетого в профессорскую мантию и университетскую шапочку, за известного ученого Фауста: «Суша теория, мой друг, но древо жизни пышно зеленеет».

Эти строки впервые мне процитировала моя мать – Мамина Зоя Семёновна – когда мне было лет десять в тот момент, когда я корпел над выполнением какого-то школьного домашнего задания. Мама моя была исключительным знатоком русской, европейской, восточной и, в целом, мировой литературы, была человеком интересной судьбы. Некогда, в стенах Московского ИФЛИ, студенткой литературного факультета которого в предвоенные годы являлась, она встречалась и разговаривала запросто, ну, например, с Роем Медведевым, с Павлом Коганом (это ему принадлежит «Надоело говорить, и спорить, и смотреть в усталые глаза, в флибустьерском дальнем синем море бригантина...»), с Олегом Трояновским. Если сейчас кому-то эти имена неизвестны, можете, если будет желание, заглянуть в Википедию).

Вернёмся к Гёте. Отнесёмся спокойно к тому, что эти слова произнесены Мефистофилем, но они - неважно, что извлечены из трагедии, неважно в чьи уста вложены - на мой взгляд, выражают, в первую очередь, суть соотношения науки, искусства, реальной действительности, а во-вторых, объясняют поразительно кратко, лаконично суть изложенного мной ниже, и также - вынесенное в заглавие этого моего «дополнения к курсу физики», не только теоретической.

Сделаю банальное утверждение: и физика, и лирика имеют как поэтическую, так и прозаическую стороны. Думаю, никого также не удивлю, ни рафинированного физика, ни самого сентиментального лирика, если скажу, что в жизни поэзия и проза существуют в одном пространстве, в одно и то же время, рядом друг с другом, переплетаются, пересекаются, оказывают взаимное влияние, вступают в противоречие или, наоборот, составляют неразрывное целое. Все перечисленные утверждения общеизвестны и сверхбанальны.

Но для каждого, по-моему, приятно вспоминать, как оно складывалось и сочеталось - это поэтическое и прозаическое - в его жизни, тем более, в самой яркой её части – в юности, в молодости. Тем более, что в этих воспоминаниях проза неизбежно становится поэзией, а поэзия так и остаётся самой собой. Что касается меня и моих воспоминаний, то моя судьба волей Всевышнего вплела в себя физику и лирику в самых разных формах, видах и проявлениях, за что я судьбе и Всевышнему благодарен.

Глава 1.

У моего деда со стороны матери - Семёна Даниловича – с 30-х годов прошлого века был радиоприёмник. Одна из первых и немногих, но самых уважаемых советских марок - СИ-235, можно сказать, гордость отечественного радиопрома, эта модель была разработана и изготавливалась на московском радиозаводе им. С.Орджоникидзе только четыре года с 1935 по 1939 год. Два диапазона: длинные и средние волны, вращающаяся шкала настройки, которая видна в маленьком, освещённом лампочкой (такой же, как в тогдашних карманных фонариках) окошечке на передней панели приёмника. Сразу замечу, а это знают все радиолюбители, что эти диапазоны – так называемые «ночные»,

поскольку лучшая проходимость этих радиочастот в атмосфере - ночью, с позднего вечера и часов до пяти утра.

История о том, как оказался этот радиоприёмник у деда, одновременно и романтична и трагична и связана с великой трагедией нашей страны, нашего народа и практически каждой семьи, очень многих семей, переживших ужасы гитлеровского нашествия и потерявших родных и близких, не вернувшихся с фронтов войны. Но оставляю эту историю за рамками данного повествования.

Все радиоприёмники на время Великой Отечественной войны по приказу руководства страны у населения были изъяты на хранение, приёмник деда не избежал этой участи и был выдан ему по окончании войны. Я не мог предвидеть, какую огромную роль этот ящик сурового сталинского дизайна сыграет в моей судьбе. Приёмник всегда стоял на дедовой этажерке для книг, рядом с этажеркой на стене остался ещё с довоенных времён антенный ввод, снабжённый «грозоотключателем» в виде маленького рубильника с заземлением. Антенна-метёлка также сохранилась с тех же времён на крыше двухэтажного дома, в котором жил мой дед с бабушкой.

Я был учеником, не помню, то ли седьмого, то ли восьмого класса, когда под руководством моего деда (дед, вообще-то, тогда руководил не только внуком, но и одним из отделов облисполкома, до этого преподавал историю, при этом прекрасно знал радиодело и владел паяльником) я как-то собрал детекторный приёмник, стал просиживать часами в наушниках, но возможности этого примитивного устройства меня с течением времени, откровенно говоря, стали разочаровывать.

Когда мои родители уехали в Новосибирск, куда отец переводом был направлен на работу, я поселился у деда. Комната, которую мне выделили дед с бабушкой, была до этого, фактически, рабочим кабинетом деда. В комнате у окна стоял массивный письменный стол, на котором размещался такой же массивный письменный прибор с двумя стеклянными чернильницами, кронштейном для перьевых ручек в виде греческой лиры и латунной перочисткой. С письменным прибором соседствовали пресс-папье, бюст вождя стального цвета и прочие атрибуты стола исполкомовского работника. Рядом со столом слева занимало место готического вида старинное с латунными подсвечниками пианино «Fritz Kruger», по другую сторону стола - справа - стояла этажерка с книгами деда и тем самым радиоприёмником на верхней её полке. Всё это оказалось в моём распоряжении.

За дедовским столом я с учебниками, задачками, всякими пособиями углублялся в науки, кроме того перечитал всё, что составляло часть библиотеки деда и находилось на этажерке, не исключая редчайших книг по истории древних времен, средних веков, истории войн, полного собрания сочинений Ч.Дарвина, трудов Мечникова, томов Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, классиков марксизма-ленинизма, в том числе И.В. Сталина, серию томиков ЖЗЛ. Была среди книг деда и классика мировой художественной литературы, и чего только там не было вплоть до Книги о вкусной и здоровой пище, всего перечислить невозможно.

Клавиатуру пианино я открывал редко, так как музыкальная школа была уже два года как в прошлом, я её окончил по классу фортепиано в 1961 году, а интересы мои на момент переселения к деду пребывали в сфере естествознания и точных наук – физики, математики, химии.

Но приёмник приковал моё внимание с первого дня жизни у деда, с момента, когда осветилось заветное окошечко шкалы, а при вращении ручки настройки раздалась свисты, и морзянки, и, наконец, голоса радиостанций. Оторваться от него я уже не мог после того, как обнаружил, что с наступлением вечера, кроме Москвы, других советских радиостанций, существует совершенно незнакомый мне доселе мир иных радиоголосов.

Английский язык в школе я изучал с удовольствием, преподаватель Анна Васильевна старалась дать своим ученикам и большой запас лексики, и хорошее произношение, и артикуляцию. И вот, не на уроке английского, а в моём представлении – из просторов Вселенной, пожалуйста – с хорошим качеством звука (ещё бы - динамик в СИ-235 с подмагничиванием, диффузор диаметром сантиметров двадцать пять) я услышал: «This is the Voice of America. The following broadcast is in special english», или «This is London, BBC World Service» и звучит Биг Бен. И многое, многое другое, прежде неизвестное.

С кровати я перебрался спать на дедову кожаную кушетку, с подлокотниками, украшенными латунными львами, стоявшую рядом с этажеркой, на которой возвышался изменивший и мой мир, да и мою судьбу СИ-235. Приёмник ночью не выключался, тихо звучали голоса британцев, румын, немцев, французов и всех прочих европейцев. Другие континенты звучали через ретрансляторы, расположенные в Греции – в Салониках, в Германии – в Мюнхене и в других западноевропейских странах. Хорошо, что комнаты деда и бабушки звуки не достигали, их комната от моей была отделена третьей, проходной комнатой – столовой. Просыпаясь среди ночи, я перенастраивал приёмник на какую-нибудь новую станцию и под её говор снова засыпал. Под утро западный эфир замирал, оставались наши советские мощные голоса. По дороге в школу я мысленно воспроизводил услышанное ночью во сне или в полусне, стараясь, однако, вернуться в реальность, настроиться на предстоящие школьные уроки.

В западной Европе вечер наступает на три-четыре часа позже и, соответственно, вечерние музыкальные программы на европейских радиостанциях звучали, когда у нас уже за полночь или совсем глубокая ночь. Недаром, потом уже где-то в середине 80-х не безизвестный Сева Новгородцев в одной из программ, которые он вёл, прочитал свой шуточный стишок: «Есть привычка на Руси ночью слушать Би-Би-Си». Так вот, таким вот образом эта привычка у меня сформировалась со школьных лет.

Ночной эфир, струящийся из динамика СИ-235, был наполнен музыкой. Помню, были короткие программы с англоязычной эстрадой, с итальянской, с французской эстрадной музыкой. Но одна радиостанция крутила американские и британские эстрадные хиты всю ночь напролёт, прерывая музыку только ради рекламы и коротких новостей. Это была ставшая впоследствии легендарной станция Radio Lucksemburg. Диктор, произнося тысячу слов в минуту, комментировал проигрываемые песенки и коротко сообщал об их исполнителях. Вещание было частично на французском, но в основном на английском. Даже сейчас у меня звучит в памяти: «This is Radio Lucksemburg, London, West One» Это сообщался адрес их лондонской студии. Шёл 1963 год. Билл Хэйли, Элвис, Петула Кларк, Клифф Ричард, группы с простенькими песенками «добитлзовского» периода, но как всё это отличалось от того, что мы слышали на нашем радио и смотрели на нашем только начинавшемся ТВ. Битлза ещё не было. Битлз появился только в конце года, осенью.

Для меня, воспитанного на русской и европейской классической музыке, на русских народных песнях, советских популярных шедеврах, искренне любившего одновременно и Глинку, и Моцарта, и Шалапина, и Утёсова, и Дунаевского, вдруг открылись совершенно иные звучания, иные гармонии, вообще иная музыкальная экспрессия. Ведущие программ Radio Lucksemburg цитировали заметки из популярного британского журнала, который так и назывался New Musical Express.

Никому в школе об этих впечатлениях я не рассказывал, а в голове моей звучали и роились мелодии ночного радиоэфира. Это не мешало мне любить физику, математику, химию, закончить школу с серебряной (из-за четвёрки по истории, смешно, правда?) медалью, увлекаться не только научной фантастикой, но и В.Аксёновым, его «Коллегами», талантливым фильмом по этой повести, любить песенку из этого фильма (Помните? – «На меня надвигается... по реке битый лёд. На реке навигация, на реке

пароход. Пароход белый-беленький...» и так далее). Зачитывался «Иностранной литературой», «Юностью», хорошая была литература, хорошая музыка, было кино, в котором незабываемые роли и навсегда любимые актёры – это были шестидесятые годы. И всё-таки, физика была наиболее любима, любовь подогревалась научной фантастикой, эти книги глотал одну за другой, перечитано было всё, что издавалось в Союзе.

Школьным другом у меня был Коля Лаврентьев, на одной из фотографий, где запечатлены мы с ним вдвоём, его мощная рука лежит покровительственно на моём плече. Отличник в школе, хулиган вне школьных стен, умница, чемпион области по боксу среди юношей, джентльмен в обращении с девочками, он ещё прекрасно владел семиструнной гитарой и неплохо пел, пел в основном популярный тогда, так называемый блатной, но совершенно безобидный репертуар. Из его рук впервые я взял гитару, Коля бескорыстно и щедро поделился знанием аккордов и текстами песен, к примеру: «Товарищ Сталин, Вы - большой учёный, в языкознании познали толк. А я - простой советский заключённый, и мне товарищ – серый брянский волк...». Мы и не догадывались, что серьёзно рискуем, распевая подобные строчки. Или такое: «Просыпаешься утром, открываешь газету. На последней странице – золотые слова. Это Клим Ворошилов и братишка Будённый даровали свободу, их любит народ...» Довольно свободная рифма нас не смущала, знакомые девчонки подпевали слова рефренов.

Наконец - десятый класс окончен, неизбежно сданы выпускные экзамены, получены аттестаты, выпускной вечер навсегда останется в памяти. Наступил момент выбора дальнейшего пути, дороги жизни.

Глава 2.

И вот как раз в это время на волнах Radio Lucksemburg и других западных радиостанций появились, наполнили радиоэфир, зазвучали волнующие настроениями юности, словами и вечными как мир вопросами, которые во все времена были актуальны для любого вступающего в жизнь молодого индивидуума, песни Битлз. Не столько привлекали рок-н-роллы, которым они придали совершенно новое свежее звучание, сколько их рок-баллады и просто песни, скорее в стиле блюз, нежели рок: Love me do, Ticket to ride с их грустью неразделённой любви, восторженные She loves you, Please, please me, или Yes, it is с каким-то глубинным трагизмом.

Музыка Битлз, наверное, тогда прямо-таки проникла в моё сознание, а скорее всего, даже в подсознание и где-то в укромном уголке этого подсознания ждала своего часа. Покажется довольно грубым сравнение, но, думаю, оно вполне уместно: это подобно тому, как в живой организм проникает такая вот инфекция, бактерия, что ли. Более того, она становится неотъемлемой составляющей, без которой этот организм уже ощущает дисгармонию.

Вернусь на секунду из этого незабвенного времени в настоящее, и снизив пафос повествования, замечу, что вместе с крушением Союза прекратили своё существование многие искусствоведческие, музыковедческие научные отрасли. Они и существовали-то только в Союзе, и, кстати, одним из лучших исследователей и аналитиков западноевропейской и русской классической музыки был ленинский нарком А.В.Луначарский. На Западе же, пропитанном до атомарно-молекулярного уровня или, как говорят, «до мозга костей» прагматизмом, этим никто и никогда и не думал заниматься. Не стало, среди прочих, такой науки, как анализ музыкальных произведений, он исчез вместе с исчезновением Союза даже на своём тривиальном уровне - уровне музыкальной критики, и произведения гениальной ливерпульской четвёрки остались без серьёзного анализа, которого они, безусловно, заслуживают.

О Битлзе и отношении к их музыке говорили и говорят многие, и, конечно, будут говорить в будущем. Но настоящего анализа их произведений и анализа причин глобальной популярности, классичности их творчества – нет.

Возвратимся в минувшее. У меня не было необходимости предаваться мучительным раздумьям, куда же направить стопы после того, как в школе прозвенел последний звонок. Родители уже несколько лет как жили и трудились в Новосибирске. Отец занимал некие высокие должности в сфере экономики, мать скромно преподавала русский язык и литературу в одной из новосибирских школ. Поскольку по своей натуре я всегда был максималистом, иногда до крайностей, то кроме Новосибирского государственного университета и физфака в нём, у меня в мыслях ничего и не возникло.

Пару суток в поезде на верхней полке с пособиями по физике для поступающих в ВУЗ и я – в сибирской столице. Потом - чуть ли не каждодневные поездки на 108-м автобусе в Академгородок. Первая поездка и посещение Университета никогда не изгладятся из памяти. Здание главного корпуса показалось мне стоящим на некоей поляне среди могучих сосен и прочих составляющих величественной сибирской растительности.

Документы на поступление были сданы, консультации посещены, заглянул в БФА, в лаборатории. Конкурс был весьма большой, это меня не испугало. Сейчас немного похвастаюсь, хотя знаю о себе, что не тщеславен, да и оснований для тщеславия нет. Физику сдал на пятёрку (на какие оценки сдал остальные вступительные экзамены, честно скажу – не помню). Когда сдавал устно физику, моя мать ждала меня в коридоре и удостоилась комплимента от экзаменовавшего меня преподавателя: «Это Ваш молодой человек?», «Да...» - произнесла моя мама, не зная, что последует за этим вопросом, негатив или позитив, «Извините, что долго его мучили, не хотелось отказать себе в удовольствии послушать ответы этого абитуриента. Спасибо».

Первый курс, первое общежитие на Морском проспекте, прекрасные лекции Валицкого по матанализу, лекции по общей химии с завораживающими конфигурациями электронных оболочек, профессор-лингвист Бицадзе (любимая нами бабушка) с её Розой Шафигуллиной – главной героиней романа - пособия по английскому и микроминиатюризации в текстах-топиках. Второй курс с лекциями таких корифеев, как Г.И.Будкер, Ю.Б.Румер, а вот, не помню, к сожалению, кто вёл факультатив по теории элементарных частиц, но это было чрезвычайно увлекательно, лектор великолепный. Эти два года прошли для меня под знаком-созвездием Богини Физики, а Университет был, в моём представлении, храмом этой богини.

Бацилла же, о которой я говорил выше, носителем которой я являлся и попавшая в этот священный сосуд, в Храм Науки, дремала. Она, правда, напоминала о своём существовании магнитофонными записями, которые в нашей комнате первой общаги крутились на «Айдасе» на скорости 19 см/сек, потом в пятой общаге – на «Чайке-М» на скорости 9 см/сек. После лекций, семинаров, лабораторных, факультативов и прочих учебных забот вечерами обитатели общежитий баловали свой слух Битлзом, Роллингами, Элвисом, вперемешку с Высоцким, Кукиным, Клячкиным, Окуджавой, Галичем.

Со мной в комнате пятого общежития, а в простонародье – «жёлтого дома», обитали: Володя Курбатов (Боб), Гена Храмов (Геныч), Витя Багрянцев (Богря) и математик Саша Щадилов. Второй курс позади, начало третьего, 1966 год, в конференц-зале кинотеатра, что рядом с гостиницей Золотая Долина – фестиваль-конкурс авторской и студенческой песни. В то же самое время в британском топ-твенти первое место занял лонг-плэй группы The Kinks «Sunny Afternoon» и песня с этим же названием.

Здесь необходимо рассказать о многогранном таланте студента-математика, волей судьбы оказавшегося в общежитии физиков. Кроме упорного и старательного изучения математики Саша Щадилов (ныне профессор Санкт-Петербургского университета) вечерами вынимал из чёрного футляра скрипку и изящными движениями смычка

воспроизводил творения Моцарта, Вивальди. Он прекрасно владел этим инструментом, а следовательно, мог неплохо играть и на гитаре, что и делал. В комнате были две акустических гитары, одна – моя, вторая - не помню, кому принадлежала, но её струны иногда перебирал Саша.

Упомянутая «Sunny Afternoon» композиционно весьма оригинально построена благодаря партии баса – гаммообразного рифа, который на гитаре запросто воспроизвёл Александр. Я немедленно добавил гитарный аккомпанемент, а англоязычный текст песни мы уже с Александром спели в виде двухголосия, в точности скопировав вокал The Kinks. Не помню, кто из нас двоих предложил выступить с этим номером на фестивале, но помню, что мы были включены в список выступающих и вышли с гитарами на сцену конференцзала с объявленной песней «Солнечный полдень». Никто из публики не ожидал вместо студенческой песни услышать западный хит, очень известный, и в общагах не раз проигрываемый на магнитофонах. Аплодисменты, крики «ещё что-нибудь!». А у нас с Александром этого «ещё что-нибудь», увы, в наличии не было.

Но зато это был прецедент. Не побоюсь утверждать, что на сибирских просторах британский хит со сцены прозвучал впервые, пусть и исполнение его было далеко от совершенства. И не только прецедент, бацилла проснулась и начала превращаться в некую культуру в Универсовской колбе, ну или в пробирке, если угодно. Питательная среда для этого была благоприятной. В комнате верхнего этажа пятой общаги по вечерам начались репетиции. Были изысканы басовые струны, одна из уже не двух, а трёх гитар стала басом, с успехом басовые партии играл будущий руководитель одного из исследовательских институтов Академгородка – Геннадий Храмов. Сольные партии я с удовольствием взял на себя. Владимир Курбатов прекрасно вёл партии ударных, картонные коробки заменили ему на первых порах ударную установку, барабанные палочки были куплены в Новосибирске в магазине на Красном проспекте напротив Оперного театра. Саша Щадилов, пережив сценический успех, предпочёл всё-таки с головой погрузиться в науку и даже скрипку из футляра извлекал крайне редко. Поэтому возникла крайняя потребность в четвёртом участнике ансамбля, сложившаяся традиция этого требовала. Этот четвёртый не замедлил явиться. Слух о наших репетициях проник в среду академгородковской молодёжи. Учащийся выпускного класса одной из школ Академгородка с углублённым изучением английского языка Саша Кузнецов пришёл с друзьями-одноклассниками на одну из репетиций и, спев под аккомпанемент гитары что-то из Битлза на хорошем английском, был немедленно зачислен в состав.

Как же можно не перечислить первых слушателей на репетициях, ими были (кроме слушателя поневоле, но, тем не менее, любителя нашей музыки - Вити Багрянцева, полноправного обитателя комнаты-репетиционной): Толик Гришин, Володя Буров, заходили послушать Володя Рудюк (его мы величали Шеф), Серёжа Кяжев, Юра Пшеничнов, Серёжа Сапелкин, Лёня Чувакин, редко, но заглядывали иногда Лёня Левитан, Тамази Гачичеладзе. Не обижайтесь, если кого-то забыл назвать.

Участники группы пришли к единодушному мнению, что гитары должны быть электрифицированы и быть «досками», т.е. не акустическими. С большим энтузиазмом с помощью «электролобзика» - куска нихромовой спирали электроплитки, включенного в розетку 220 вольт - из досок неиспользуемых средних вставных частей раздвижных круглых столов, которыми были меблированы комнаты общаги, были выпилены корпуса будущих гитар. Всё это должно было произойти тайком от коменданта общежития, но дым валит из окна комнаты во время преступного распила стола ужаснейший. Однако всё обошлось, и происхождение гитар осталось тайной для коменданта, но, разумеется, не для обитателей общаги, молчаливо и одобрительно поддержавших действие.

На свежеспиленные корпуса были смонтированы грифы, снятые с наших акустических гитар, электромагнитные датчики, изготовленные в ИЯФе друзьями-

почитателями рок-музыки, натянуты струны. Всё происходило «в свободное от занятий время». Надо признаться и покаяться, что размер этого «свободного времени» зачастую устанавливался весьма произвольно. В том же ИЯФе были изготовлены микрофонные стойки, в других институтах раздобыты никому там не нужные УМ-50, акустические колонки, в кинотеатре нам любезно пожертвовали пару микрофонов МД-200. Физики, конечно же, просто обязаны были располагать всем этим добром. А вот с ударной установкой было сложнее. Не помню точно кто, но кто-то из членов студсовета вспомнил, что в одной из комнат главного корпуса Универа видел малый барабан, хай-хэт и тарелку от ударной установки, предназначавшиеся для университетской самодеятельности, но валявшиеся без дела. Там же был замечен электроорган «Юность». В конце концов нам всё отдали в пользование. Для начала этого оказалось достаточно, орган даже и не понадобился.

Где-то у меня среди вещей сейчас хранится написанная плакатным пером и тушью афиша: «Танцы. Холл 5-го общежития. Начало в 21-00. Играет группа The Dawdles»

Название для группы я выбрал, как созвучное The Beatles, а заложенную в нём иронию вы, конечно же, уловили. Репертуар на танцах состоял в основном из Битлз, особенно пользовались спросом Dizzy Miss Lizzie, Money, Can't buy me love. Пели мы с Сашей Кузнецовым, спеты были также некоторые хиты Роллинг Стоунз : I can't get no satisfaction, The Spider and the Fly, исполнялись инструментальные рок-н-роллы. Гена Храмов прекрасно вёл партии бас-гитары. Володя Курбатов, всегда с отрешенным и устремлённым в потолок холла взглядом, великолепно держал ритм и темп, невзирая на ограниченные возможности своей скромной ударной установки. Сохранились несколько фотографий и играющей группы, и танцующей публики. Так нескучно миновал 1967 год.

Сохранилась ещё одна афиша с оттенком грусти, она появилась на доске объявлений в холле 5-го общежития зимой 1968 года: «Танцы. Холл 5-го общежития. Начало в 21-00. В последний раз играет группа The Dawdles».

Причин завершения деятельности The Dawdles было несколько. Одна, и главная из них, - мой неугомонный характер. Вечно я провоцирую окружающих на какую-нибудь деятельность. Даже сейчас по прошествии полувека после описываемых времён в моей голове бродят идеи и присутствует неистребимое желание их реализации. А тогда в 1968-м, побывав в клубе радиозавода им. Попова в Новосибирске на танцах, я услышал игру и пение Сергея Кривощёкова, студента Новосибирского инженерно-строительного института, в составе группы впоследствии известных джазовых музыкантов В.Мацуева, М.Бранцбурга. И загорелся идеей привлечь Сергея к созданию нового, более профессионального музыкального состава.

Идея была реализована в течение 1968-69 годов. Определённую роль в этом сыграло моё знакомство с ещё одним студентом мехмата нашего Университета – Степаном Пачиковым. Сейчас Степан большой человек, загляните в Википедию. Степан хотел тогда попробовать заменить Володю Курбатова на ударных инструментах в The Dawdles , так как у Володи стало неважно со здоровьем. Когда же я познакомился со Стёпой ближе, мне стало ясно, что его возможности и таланты гораздо шире, не ограничиваются ударными инструментами и даже не ограничиваются математикой. Я не ошибся, передо мной был гений менеджмента с массой идей в голове, и огромным зарядом энергии для их воплощения. Время блестяще подтвердило мое представление об этом человеке.

Степан незамедлительно «выбил» в деканате мехмата деньги на новую ударную установку, университетом была куплена сверкающая новизной и искрящимся пластиковым покрытием немецкая Trowa. Он же организовал мне randevu с Сергеем Кривощёковым и этим, без преувеличения, открыл совершенно новый этап музыкальной жизни и Универа, и Академгородка, и Новосибирска. Не будучи музыкантом, он имел и

имеет полное право сказать, что именно он создал первую в Сибири рок-группу. Название группы было предложено опять мной. Во вновь созданную The Black Lines кроме меня и Сергея Кривощёкова вошли: Саша Кузнецов как ритм-гитарист, Володя Смирнов – студент НЭТИ - как соло-гитарист и Валера Куц - на ударных инструментах. На свои кровные мы ухитрились через знакомых фарцовщиков приобрести чехословацкие электрогитары, остальное «имущество» было универовское – электроорган «Юность», усилительная аппаратура, ударная установка.

Прежде чем вынужденно перевестись из Новосибирского университета в Тбилисский из-за участия в протестах, связанных с вводом наших войск в Чехословакию, Степан успел организовать серию концертов созданной группы в Доме Учёных Академгородка. Эти концерты происходили одновременно и на одной сцене с Международным фестивалем бальных танцев, который состоялся в Доме учёных благодаря стараниям известного руководителя Студии бальных танцев Академгородка Б.Малькова. Концерты привлекли на фестиваль и студентов, и огромное число молодёжи Академгородка. Концертная программа The Black Lines состояла из песен с только что вышедших пластинок The Beatles “Sergeant Pepper’s Lonely Hearts Club Band”, “Magical Mystery Tour” и “Yellow Submarine”. «Голос Америки» в одной из русскоязычных музыкальных передач не замедлил сообщить слушателям, что впервые в Сибири - в новосибирском Академгородке - появилась рок-группа, исполняющая на хорошем английском языке западные «хиты» и неплохо оснащённая. Это мы услышали через имевшийся у нас к тому времени всё в той же комнате 5-й общаги радиоприёмник «Казахстан». Между прочим, когда приёмник был приобретён, настраивали его, «доводили до кондиции» и «вгоняли в диапазоны» в одной из университетских лабораторий Володя Рудюк и ваш покорный слуга.

Четвёртый курс миновал, предстоял завершающий пятый. Я уже проходил преддипломную практику в ИТПМ, там в лаборатории занимались нелинейной теорией звука. Помню монументальную фигуру Н.Желтухина, помню моего непосредственного руководителя В.Глазнева. И не могу не вспомнить абсолютно курьёзную ситуацию, когда музыка пришла на помощь физике, то есть лирическая физика и физическая лирика то ли поменялись ролями, то ли слились воедино.

Установка, на которой экспериментировали со звуком, представляла собой трубу метра три длиной, диаметром сантиметров пять-семь, по всей длине трубы через определённые интервалы были насверлены отверстия и в них вкручены тензодатчики для регистрации параметров звуковой волны. На одном конце трубы был конус, перед конусом – трещотка с электроприводом для извлечения звука. Трещотка, понятно, трещала, спектр звуковых частот извлекала бог знает какой, самописцы и датчики рисовали что-то извилистое на ленте, потом - ряды Фурье, выделение гармоник и прочие сложности.

Я включился поначалу безропотно в этот мучительный процесс, но по прошествии некоторого времени по своей простоте душевной задал кому-то из сотрудников наивный вопрос, а нет ли желания у исследователей колебать воздух в трубе с какой-то определённой частотой вместо их спектра. Такое желание после моего вопроса возникло, поскольку было ясно, что сразу всё стало бы проще, однако, как мне пояснили, технической возможности для этого пока в институте нет.

Но для меня-то вопросы звука, тем более музыкального звука, были вполне решаемы. Один из звуковых динамиков, имевшихся в распоряжении The Dawdles, был выделен для научных целей, пожертвован, так сказать на нужды научного прогресса, а Петя Вельтмандер (мы звали его в шутку Петя-Кантроп, принимая во внимание его комплекцию, он не обижался) по моей просьбе раздобыл в пользование звуковой генератор. Этот комплект я доставил в лабораторию института. Динамик был вставлен в

конус, загудел вначале басом, потом по желанию экспериментаторов то гудел, то пищал или свистел на высоких частотах, достаточно было повернуть ручку настройки генератора. Самописцы начали рисовать синусоиды, персонал возрадовался. Оставалось выдать побольше амплитуду и создавать нелинейную теорию на благо человечества. Я тоже тихо радовался, что так вот невольной- нечаянно произвёл переворот в науке, помог прогрессу, а также тому, что теперь на мои непосещения преддипломной практики Володя Глазнев стал смотреть гораздо снисходительнее.

И ещё один «вклад в науку», был сделан мной летом 1968 года. Точнее, в фундамент науки. Студентам было предложено поучаствовать в строительных работах на территории Института гидродинамики, и я в числе других, кто летом не уехал из Академгородка, старательно месил и укладывал бетон в фундамент создаваемой знаменитой впоследствии лаврентьевской гидропушки. Не могу без гордости упоминать об этом факте своей биографии. Между прочим, пока был бетонщиком, внешность имел экзотическую. Чтобы цементная пыль не въедалась в волосы, голову побрил, а бороду оставил, так как борода легко отмывалась от цемента. Не исключаю, что ещё живы те, кто помнит появление моджахеда на улицах научного центра.

Лето закончилось, пятикурсникам было уже не до развлечений, все кропали дипломные работы. Мы перебрались в 9-е общежитие, Степан Пачиков перебрался в Тбилиси, связь с ним была потеряна. The Black Lines на сцене ДК «Юность» открыла сезон танцевальных вечеров. Кроме песен западных групп, исполняемых нами, администрация ДК мягко попросила ввести в репертуар музыку с текстами на русском языке, идеология этого требовала. Сергей Кривощёков оказался прекрасным аранжировщиком, его вокальные аранжировки советских песен, на мой взгляд, не уступали битловским, кроме того, нам был дан импульс для собственного русскоязычного творчества, которое позже действительно состоялось. В начале 1969 года The Black Lines стала лауреатом сибирского джазового фестиваля «Джаз-69», состоялось её выступление на сцене Новосибирского ТЮЗа и на Новосибирском телевидении.

Глава 3.

Университетский диплом я всё-таки защитил с оценкой «хорошо», тема была связана с военными секретами, руководителем дипломной работы был уважаемый мной Юрий Абрамович Вайнер. Не обошлось без революционной романтики. На защиту диплома из НИИ измерительных приборов меня доставили в родной Универ с вооружённой охраной, в бронированном военном «бобике». Охранником на время стал сотрудник нашей же лаборатории Коля Ничволод, ему выдали ПМ в кожаной кобуре, вид у него был в точности как у комиссара революции.

Диплом «обмыли» по возвращении в НИИИП, «бобик» весело домчал нас из Академгородка в Новосибирск до ворот института, Коля сдал в оружейную комнату «пушку», быстренько накрыли в лаборатории «полянну». Звучало и за здоровье каждого из присутствующих, и за процветание советской науки, и за то, чтобы крепить оборону Родины.

А у меня, признаться, на душе была грусть, ведь состоялось расставание с родным Универом, с Академгородком. Больше не нужно было садиться в 108-й автобус, пересаживаться на 36-й, выходить на остановке «Университет», идти по улице Пирогова к 5-му общежитию, спешить на лекции, запасаться «шпорами» для экзаменов. Прочитана и перевёрнута самая яркая страница жизни. Нужно было всматриваться в неясный текст следующей страницы.

Главы 4, 5, 6, 7..., Послесловие.

Эх, как бы хотелось не ограничиться изложенным, в памяти хранится столько всего, связанного с Университетом, с Академгородком. Воспоминания коснулись бы и сверстников-однокурсников и друзей курсами старше, младше, и преподавателей – тех, кто читал лекции и тех, кто вел семинары, преподавателей военной кафедры - полковников Корнева, Мушникова, буквально по-отечески к нам относившихся, и многих других, и многого другого. Остаётся надеяться, что найдутся для этого и возможности, и время.

Партенит. Крым. Июнь 2014 г.

Михаил Мамин. 1963 год.

Коля Лаврентьев и Миша Мамин. 1964 год.

М.Мамин. 1966 г.

М.Мамин. 1964 г.

Михаил Мамин. 1966 год.

Гена Храмов. 1967 год.

Витя Багрянцев. 1967 г.

The Dawdles. Холл 5-го общежития. 1967 г.

The Dawdles. Холл 5-го общежития. 1967 г.

Холл 5-го общежития.

Танцы. Играют The Dawdles. 1967 г.

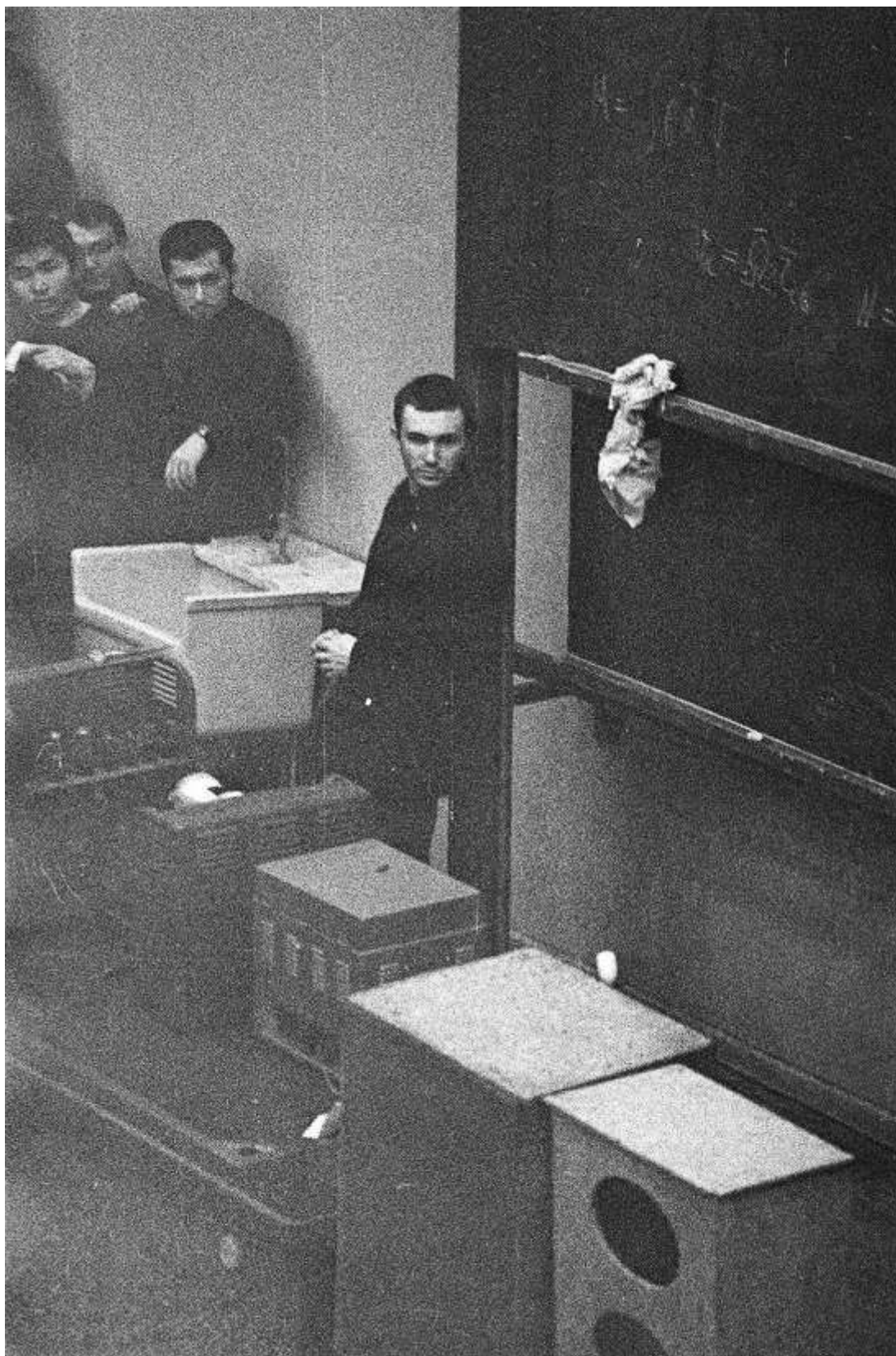
Володя Рудюк. 1967г.

Гена Храмов. Холл 5-го общежития. 1967 г.

М.Мамин, В.Багрянцев, С.Сапелкин, В.Чесноков, Г.Храмов, В.Рудюк и один из любимых преподавателей. Университет.

М.Мамин. Перед выступлением The Dawdles.1967г.

С.Пачиков, А.Кузнецов, М.Мамин. The Dawdles.1967г.

The Black Lines. ДК «Юность». 1968 год.

The Black Lines. М.Мамин, А.Кузнецов. ДК «Юность». 1968 год.

Стёпа Пачиков (в центре). 1966г.

The Black Lines. ДК «Юность». 1968 год.

ДК «Юность». 1968 год.

The Black Lines. М.Мамин.

The Black Lines. ДК «Юность». 1968 год.

The Black Lines. М.Мамин (орган,вокал), В.Смирнов (соло-гитара), Е.Огородников (бэк-вокал), С.Кривощёков (бас-гитара,вокал), А.Кузнецов (ритм-гитара,вокал), В.Куц (ударные, он не в кадре). Концерт в Доме Учёных. Академгородок. 1969 год.

The Black Lines – лауреаты фестиваля «Джаз-69». А.Кузнецов, В.Смирнов, В.Куц,
С.Кривощёков, М.Мамин.

The Black Lines Lines – лауреаты фестиваля «Джаз-69».

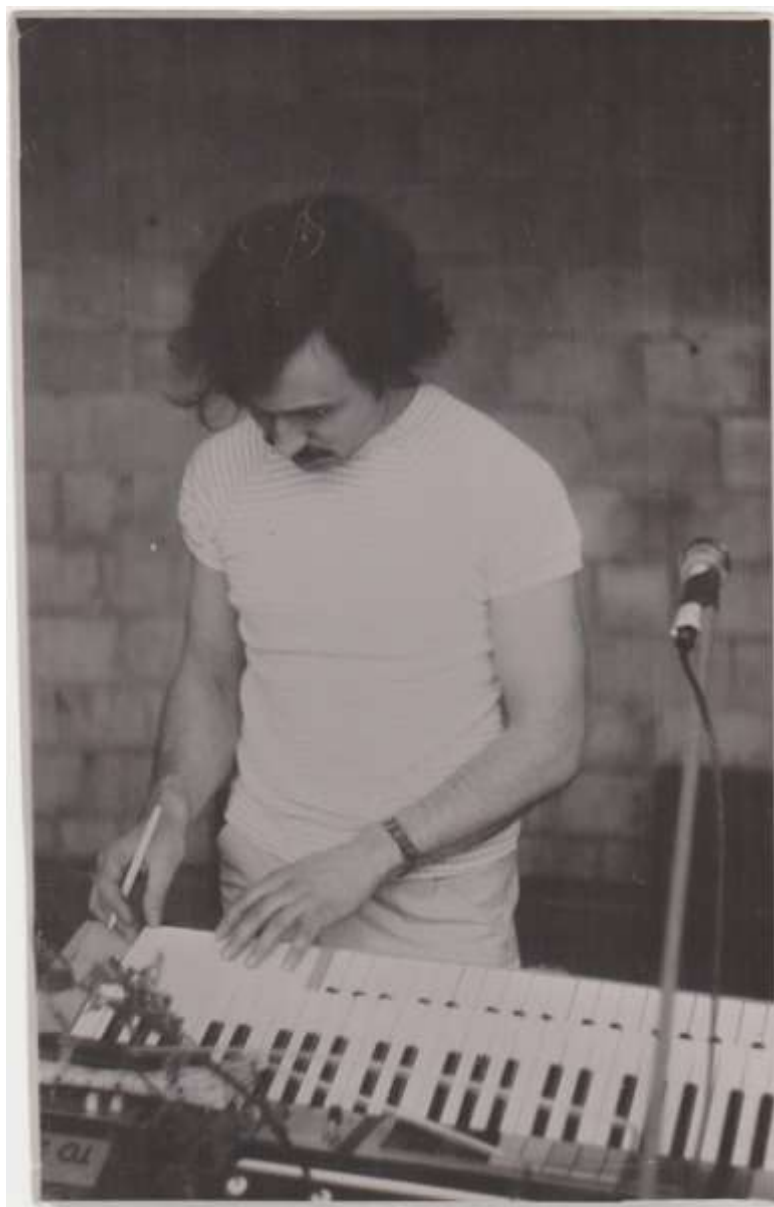

М.Мамин, В.Куц, А.Кузнецов. 1973 г.

М.Мамин, В.Куц, С.Кривощёков, В.Смирнов. Новосибирск. 1973г.

М.Мамин.1973 год.

М.Мамин. Крым. Партенит. 1996 год

А.Кузнецов. 2008 г

А.Кузнецов. 2013 г

М.Мамин. Крым. Паргенит. 1998 г.